

Бодров Алексей Геннадьевич

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ИМПЛАНТАЦИИ ОФШОРОВ В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ

В работе рассматривается процесс формирования и институализации такого финансового инструмента, как офшор. Автор анализирует офшорный бизнес и офшорные компании, процесс интеграции офшорного бизнеса в российскую экономику. Такой подход позволяет изучить процесс внедрения, имплантации офшора как института в российскую экономику с учетом экономических, политических, правовых реалий, которые сложились в российской экономике в 90-х годах. В связи с этим особое значение уделено влиянию складывавшегося политического и институционального рынка на процесс имплантации офшора в российскую экономику.

Ключевые слова: офшоры, институты, институциональный анализ, институциональный рынок, политический рынок, процессы имплантации института.

The process of formation and institutionalization of such a financial instrument as an offshore is discussed in this paper. The author analyzes offshore business and offshore companies, the process of integrating offshore business into the Russian economy. Such approach permits to investigate the introduction of the offshore, so called the implantation in the Russian economy adjusted for the economic, political, legal realities turned out in the Russian economy in the 90-th. In connection with this the special importance plays the investigation of the influence made by arising political and institutional market on implantation of the offshore into Russian economy.

Keywords: offshores, institutes, institutional analyze, institutional market, political market, process of institute implantation.

Введение

Хотя опыт первых офшорных операций уже имели некоторые советские внешнеторговые компании еще в 1960-е годы, можно утверждать, что Россия открыла для себя офшорный мир с конца 80-х гг. в период «перестройки». Для

российской экономики офшоры и офшорный бизнес имели особое значение, так как институт офшоров — это один из первых рыночных институтов со времени начала кардинальных рыночных реформ, отсчитываемых с начала 90-х годов. И далее, эволюция офшорного сектора не просто сопровождала развитие российской экономики на протяжении всего последующего времени, но имела на неё определенное влияние.

В связи с этим, научной гипотезой является установление связи между тем, как, с одной стороны, в российской экономике рождался и формировался офшорный бизнес и как, с другой стороны, офшоры и в целом офшорный сектор влияли на институциональную эволюцию российской экономики. Косвенным подтверждением наличия такой связи могло бы стать установление факта превышения скорости имплантации офшоров в российскую экономику над скоростью институциональных и структурных изменений российской экономики. В таком аспекте эти процессы стали предметом интереса сравнительно недавно [1–5].

Влияние офшорного сектора на рыночные преобразования было значительным с самого начала и оказало воздействие на экономику в краткосрочном и долгосрочном аспектах. В этой связи актуальность проблемы состоит в исследовании своеобразия места, роли офшоров, офшорного бизнеса в условиях российской экономики. Даже если принять во внимание тот факт, что многие исследователи возводят начало налоговых убежищ к древнегреческой практике в Афинах, а современная офшорная практика насчитывает чуть больше 50 лет, для России этот институт широко распространился впервые только с конца 1980-х гг. и стал сравнительно быстро массовым инструментом и каналом внешнеэкономической коммуникации.

Внедрение офшоров в практику российской экономики можно рассматривать как импорт этого института или его трансплантацию. В этой связи новизной отличается сам институциональный подход к анализу имплантации офшоров, офшорного бизнеса в структуру институтов российской экономики, поскольку он позволяет установить направления и способы влияния офшорного бизнеса на систему институтов российской экономики.

Так, например, по утверждению М.А. Халдина «импорт офшорных услуг, то есть приобретение и использование зарубежных офшорных компаний резидентами еще советской экономики, начался с середины 1960-х гг., а после 1991 г. российские резиденты резко увеличили спрос на эти услуги» [6].

Импорт офшорных услуг является частью импорта офшорного института, поскольку приобретение и использование зарубежных офшорных компаний российскими резидентами сопровождается целым комплексом формальных и неформальных изменений в практике ведения бизнеса, в том числе внутри российской экономики, а также и в методах регулирования деятельности таких компаний. Экспорт офшорных услуг, означающий продажу российских компаний нерезидентам, практически дополняет перенос института офшора. Не случайным является одновременный рост числа офшорных компаний, учрежденных российскими резидентами, и рост числа приватизированных предприятий. Участие капиталов офшорных компаний в денежной приватизации завершало встраивание офшоров в структуру российской экономики. Характерно, что последнее относится к середине 1990-х гг. То есть на формирование всего комплекса отношений института офшоров ушло немногим менее 10 лет того периода, когда произошли решающие институциональные и экономические изменения в российской экономике.

Перенос института офшоров не был результатом сознательного проектирования или спонтанного изобретения, скорее он был результатом заимствования и последующего распространения среди большого числа экономических агентов, что отражало их заинтересованность в сохранении контроля активов.

Анализ импорта института офшора и его внедрение в российскую экономику целесообразно осуществлять на основе институциональной концепции. Институциональный подход к анализу офшоров дает возможности комплексного рассмотрения всех аспектов явления в его взаимосвязях с внешней средой, взаимодействия формальных и неформальных правил, и в процессе его качественных и количественных изменений.

Хотя институт — широкое историко-правовое и экономико-социологическое понятие, исследование именно экономических институтов выступает двигателем развития институционального анализа. Так, Д. Норт в работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» исходит из того, что институты обеспечивают структурные рамки повседневной деятельности, уменьшая тем самым неопределенность, которая является причиной их существования. Д. Норт рассматривает институт в виде совокупности «правил, механизмов, обеспечивающих выполнение социальных, экономических и политических взаимодействий и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [7]. Здесь существенно то, что правила, механизмы взаимодействий и нормы поведения снижают неопределенность, которая характерна для отношений и сделок во внешнеэкономической сфере. Следует отметить, что в конце 80-х — начале 90-х неопределенность была более характерна для внутрироссийских сделок, чем для внешнеэкономических сделок, что стало дополнительным фактором роста спроса на офшорные услуги.

В другом определении, данном нобелевским лауреатом Э. Остром, сделан упор на вариативности правил, регулирующих поведение людей в зависимости от того, кто имеет возможность или получает права устанавливать те или иные ограничения и разрешения. «Институты можно определить, как совокупности действующих правил, на основе которых устанавливается, кто имеет право принимать решения в соответствующих областях, какие действия разрешены или ограничены, какие общие правила будут использоваться, каким процедурам необходимо следовать, какая информация должна предоставляться, а какая нет, и какой выигрыш получат индивиды в зависимости от своих действий» [8]. В анализе офшоров такой подход является плодотворным, поскольку они зарождались в условиях, когда заинтересованные группы лоббировали такие правила ведения и контроля офшорного бизнеса, которые минимизировали их издержки.

Следует также отметить комплексный социологический подход к определению институтов, который дан российскими социологами Л. Гудковым и Б. Дубиным. В данном подходе подчеркивается роль различных функциональных

⁴ https://phsreda.com

взаимосвязей того или иного института в общественной системе, и значение ценности как центрального звена института: «Социальный институт – устойчивое, социальное ценностно-нормативное или ролевое взаимодействие, возникающее вокруг определенной культурной ценности, закрепленное в праве и регулируемое правовым образом. Ценности, конституирующие «институт», могут быть самыми разными – по характеру «значимости», то есть по силе своего признания, по масштабу и модусу значимости: универсалистские или партикуляристские, то есть мотивирующие открытые или закрытые социальные взаимодействия и т. п. – но они должны быть каким-то образом артикулированы и «инкорпорированы» в кодексе правил не только данного социального образования, но и других социальных институтов, обеспечивая тем самым, их функциональную взаимосвязь и взаимозависимость, упорядоченность нормативных переходов между разными системами или кодексами правил» [9].

Однако представляется недостаточным выделение ограничений, формализованных лишь в нормах права. Это может иметь значение для установившихся стабильных систем, где изменения — постепенны и не занимают большого социального пространства. Для систем, развивающихся спонтанно в неуправляемом режиме, как в России 1990-х годов, основное значение приобретала текучая взаимосвязь формальных и неформализованных правил и обычаев с элементами еще не оформившегося принуждения, закрепленных до этого долголетней практикой поведения хозяйствующих субъектов. Не случайно, поэтому, выделяют элемент принуждения как часть института: «Обязательной характеристикой института является наличие механизма принуждения, отрицательных и положительных стимулов к исполнению правил института» [10].

В этом отношении сохраняют свою актуальность концепция института, данная Т. Вебленом в конце XIX в.: «Институты – это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени. Такой процесс отбора и приспособления, в силу его природы, никогда не настигнет поступательно меняющуюся обстановку, в которой в какое-либо

данное время находится общество, ибо окружение, обстановка, потребности общественной жизни, под действием которых происходит приспособление и проводится отбор, изменяются изо дня в день, и каждое последующее состояние общества, едва успев установиться, уже обнаруживает тенденцию к устареванию. Когда общество делает шаг вперед в своем развитии, сам этот шаг представляет собой изменение ситуации, требующее нового приспособления, он становится отправным моментом для нового шага в приспособлении, и так далее до бесконечности» [11].

Такое понимание в большей степени соответствует постоянно изменяющимся соотношениям формальных и неформальных норм, регулирующих офшорные компании на протяжении эволюции переходной экономики. При этом постоянно изменяющаяся институциональная среда порождала конкуренцию ряда организованных групп за право устанавливать и вводить правила, ограничения и процедуры, регулирующие внешнеэкономическую деятельность и офшорный бизнес.

Сделанный в концепции Т. Веблена акцент на роли прошлого в эволюции института очень важен в плане понимания субъекта, заинтересованного в поддержании определенного баланса формальных и неформальных правил института, в данном случае офшора, для сохранения своих прежних позиций в новой институциональной среде. Не случайным является то, что в условиях консолидации экономической структуры российского общества 2000-х гг. офшорный бизнес, адаптировавшись, продолжал развиваться в новых условиях.

Увеличение прав экономических субъектов в сфере внешнеэкономической деятельности, их расширение на все больший круг отношений, включавших не только внешнюю торговлю, но и организацию совместных предприятий, зарубежные инвестиции, валютные операции, страхование и другие, сопровождалось всякий раз опережающим влиянием неформальных норм и правил. Последующее введение правовых и регулятивных норм, их кодификация зачастую не всегда оказывается успешным в плане достижения заявленных целей, но практически всегда успешным с точки зрения соответствия неформальным правилам

ведения офшорного бизнеса. Это находит свое подтверждение в данных об опережающем росте вывоза капиталов по сравнению с инвестициями в российскую экономику. И принимая во внимание тезис Норта, согласно которому, *«институты создают поведение»*, можно ожидать, что при вариативном отборе новых институтов высока вероятность разрешения институциональных конфликтов за счет снижения эффективности функционирования этих институтов.

Обобщая исходные принципы, можно сформулировать следующие элементы офшора как института:

- юридические, либо физические лица резиденты, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность посредством учреждения или регистрации компании, группы взаимосвязанных компаний, самостоятельно, либо через третьи лица в одной или нескольких офшорных юрисдикциях. Данный элемент института офшора был востребован в первую очередь и активно внедрялся уже со второй половины 1980-х гг.;
- офшорная юрисдикция, их совокупность, регистрация в которых дает возможность нерезидентным компаниям из России ряд преимуществ, в зависимости от вида деятельности, ее цели, статуса компании;
- комплекс экономических и правовых отношений нерезидентов офшорных компаний с национальной экономикой, страной инкорпорации;
- комплекс норм международного и национального законодательства,
 включающего административно-правовые, гражданско-правовые нормы, нормы международного частного права, валютного права, налогового права, уголовного права, банковского права, регулирующие и регламентирующие процедурные аспекты учреждения, функционирования офшорных компаний и х использования их бенефициарами;
- национальные и международные регулятивные и контрольные институты.
 В частности, в России регулирование и контроль офшорной деятельности российских лиц находится в компетенции Центробанка, Минфина, ФНС, Государственной таможенной службы, а также и правоохранительных органов. В состав

международных организаций входят ФАТФ, группа семерки G7, Форум финансовой стабильности, ОЭСР;

- использование экономическими агентами совокупности формальных и неформальных норм для достижения целей, в число которых входят: снижение уровня налогообложения доходов и капитала, обеспечение секретности владения активами или доходами для целей снижения рисков их неправомерного захвата, владение активами, доступ к международному финансированию, использованию удобной юридической системы для заключения сделок;
- ценностные установки участников коалиции экономических субъектов, нерезидентов офшорных зон. В том числе, уход от государственного контроля, защиту бизнеса от рейдерства, присвоение прибыли или иных доходов, за счет неуплаты налогов в максимально возможных пределах, уход от установленных национальным законодательством требований, а также использование каналов доступа на мировые рынки капиталов и иные возможности расширения национального бизнеса.

Проблема трансплантации институтов или иначе импорта институтов уже достаточно давно обсуждается и в определенной степени разработана на целом ряде примеров [12; 13]. Неоднозначные последствия имплантации отмечает О.С. Сухарев: «При низком качестве институционального планирования за-имствование уже действующих норм в иной социальной среде не способно существенно улучшить институциональную среду. Конфликтуют институты, а также агенты, определяя соответствующие реакции при таком заимствовании» [14].

В целом, под имплантацией следует понимать практику переноса институтов (в данном случае экономических), из экономической системы одной страны, группы стран, сферы международных отношений в экономическую систему другой страны, осуществляемый деловыми, властвующими или доминирующими структурами этой страны с целью их освоения и достижения наиболее эффективным способом своих целей. Для России формирование широкого внутреннего

офшорного сектора было одним из наиболее доступных способов интеграции в глобальную экономику.

Офшор как институт мировой экономики становится предметом спроса и предложения на институциональном рынке, но в отличие от товарного рынка право на имитацию в ходе внедрения института является бесплатным. Так академик В.М. Полтерович в своих работах рассматривает импорт института, или иначе, его трансплантацию, «как процесс заимствования институтов, развившихся в иной институциональной среде» [15].

Имплантация офшоров в России как института происходила тогда, когда в ходе либерализации внешнеэкономических отношений страна одновременно становится открытой и для офшорных операций нерезидентных компаний, учрежденных резидентами, и оншорными юрисдикциями, открытыми для осуществления операций своих резидентных юридических лиц в других юрисдикциях. Такая ситуация не типична для других стран и возможна лишь в условиях максимальной открытости, не подкрепленной сильной экономикой и эффективной системой контроля.

В странах, так называемых, классических офшоров, то есть различных островных юрисдикциях, владений бывших колониальных метрополий, в силу своей экономической незначительности превалирует офшорный режим, где гигантское число компаний нерезидентов, получают официальную регистрацию для последующей экономической деятельности в других странах. С другой стороны, выделяются страны — оншоры, средние или крупные страны, вводящие национальный режим для компаний нерезидентов в условиях жесткого контроля, в том числе компаний, зарегистрированных в офшорных зонах. В эту группу включаются, как правило, развитые страны западного мира, так называемые белые офшоры, которые проходят в списках международных организаций, как юрисдикции с антиофшорными нормами в соответствии с международными стандартами.

Эти списки классифицируют офшоры по критериям транспарентности, готовности к сотрудничеству с налоговыми органами и обмену налоговой

информации, на белые и черные офшоры, то есть офшоры не транспарентные, и не готовые к обмену требуемой информации, и белые офшоры, то есть офшоры, располагающиеся в западных странах по преимуществу в странах — членах ОЕСО. Такая классификация позволяет прояснить логику образования офшора как института, связывающего деятельность резидентов и нерезидентов на территории какой-либо страны, в зависимости от ее экономического веса, статуса в мировой экономике и экономической политики ее властей.

Россия, в отличие от стран ОЭСР, не располагающая четкой и устоявшейся правовой системой, развитой институциональной инфраструктурой финансового контроля, тем не менее, с самого начала вводит такой же режим, сталкиваясь со всеми рисками стать объектом офшорного капитала без соответствующих преимуществ, которыми обладают бывшие метрополии в отношении своих квазинезависимых офшорных территорий.

В то же время в таких переходных экономиках восточной Европы, например, как Венгрия или Черногория, введение офшорного режима для компаний нерезидентов, имело своей целью привлечение иностранных инвестиций.

Увеличение числа офшорных компаний в период 1980—90-х гг., было составной частью процесса глобализации мировой экономики. И с одной стороны, отражало рост предложения офшорных услуг со стороны экономических агентов других стран, с другой стороны, спрос со стороны прежде государственных образований переходной экономики, становящихся участниками офшорных компаний, за привлечение как можно большего числа иностранных инвестиций.

Перенос институтов был связан с глубокими и неоднозначными трансформациями в странах с переходной экономикой в 1990-х годов. Используя переносимые институты, страны «догоняющего развития» в стремлении сократить до десятилетий процессы, которые развитые экономики переживали столетия (русско-американский экономист А. Гершенкрон был первым, кто исследовал проблемы импорта институтов в рамках своей концепции «догоняющего развития» [16]), сталкивались с неоднозначными последствиями наследуемых

ценностных ориентаций чиновников и директоров, вдруг ставших частными владельцами крупных капиталов вне государственного контроля.

Для понимания имплантации института существенным является анализ взаимодействия политического и институционального рынков. Перенос офшорных правил осложнялся спонтанным характером, отсутствием предварительного изучения состояния и готовности на государственном уровне принимающей экономики, ее культурной среды, требований экономической безопасности. В процессе этого спонтанного усвоения решающее значение приобретали следующие факторы:

- слабая готовность российской экономики и авторов экономической политики к полноценной адаптации и эффективному использованию этого, качественно нового набора правил, для целей экономического и социального развития страны;
- скорость, с какой открытие доступа к внешним офшорам для национальных компаний, стала существенным фактором неоднозначного влияния на внутренние процессы, которые затем было трудно поставить под контроль и которые приобрели самостоятельное значение;
- готовность к заимствованию института определялась представителями властвовавшей административно-партийной элиты и предпринимателями первой волны, включавших хозяйственных чиновников и теневиков, повлиявших на отбор и установление первых формальных и неформальных правил офшорного бизнеса, что позволило им сохранять свои позиции в бизнесе для присвоения переходной ренты. «Распоряжаясь общественными ресурсами как своей собственностью, используя административные ресурсы как орудия персонального влияния, политико-экономические элиты превращают власть в разновидность бизнеса. Предметом коммерции становится торговля допуском на привлекательные, ресурсо- и капиталоемкие рынки, осуществляемые на основе имеющихся должностных полномочий» [17].

Успех адаптации можно определить, исходя из того, насколько новый институт способен выполнять те же функции, которые он выполнял в экономике,

откуда он был заимствован. В коллективной работе ИЭПП, посвященной данной теме, подчеркивается значение готовности заимствовать институт, так как это отражает спрос и снижает издержки по формированию коалиции в его поддержку [18]. Вместе с тем, оставался высоким риск неудачной трансплантации института. Например, импорт института ипотеки можно считать удачным — рост объемов жилищного строительства произошел, во многом, благодаря ипотечному кредитованию. Наоборот, очевидной являлась неудача в 1990-х гг. с импортом рынка капитала в его англо-американской модели.

Одним из факторов риска импорта института офшоров являлась несвоевременность его внедрения, вследствие чего отрицательные результаты экономических благ, полученные одной группой экономических субъектов, превышают сумму положительных благ, полученных другими группами экономических субъектов. В частности, можно утверждать, что введение режима либерализации внешней торговли до достижения внутреннего равновесия в ходе дерегулирования рынка обернулось рядом отрицательных эффектов для экономики. Возникает известный в институциональной теории «парадокс передачи», суть которого в том, что в «результате передачи института (эффективной технологии) страна-экспортер может выиграть за счет страны-импортера» [19].

Вместе с тем, для переходной экономики имеет большое значение вопрос, как создаются новые правила в становящемся рынке и какова в этом роль государственного аппарата. В своей книге «Архитектура рынков» Нил Флигстин, задаваясь вопросом о роли власти в создании рынка, подчеркивает: «Правила не создаются без задних мыслей, без учета «интересов» [20, с. 60]. И далее: «если крупнейшие предприятия способны работать в условиях набора правил, позволяющих им доминировать на основных рынках в обществе и поддерживать группы работников в относительно дезорганизованном состоянии, то эти правила укрепляют существующую систему власти. Если мы хотим иметь аналитический инструмент, адекватный реальным системам правил и власти, то необходимо систематически прорабатывать вопрос о том, как возможности государства и относительная власть государственных чиновников, капиталистов и наемных

работников задействуются при построении новых рыночных правил и тем самым определяют формы хозяйственной активности, существующие в данном обществе» [20, с. 61].

Прежде всего, для эффективной имплантации института офшоров нужны соответствующие условия, которые формируются на политическом рынке. Политический рынок представляет собой совокупность обменов между участниками властных иерархий в ходе обеспечения определенного соглашения для производства общественных благ.

Два решения органов власти второй половины 1980-х гг. стали тем результатом функционирования политического рынка, который изменил, соотношение влияний экономических субъектов, и обеспечил вывоз ресурсов за рубеж новыми экономическими агентами как способ их последующей капитализации внутри страны. В соответствии с решениями июньского 1987 г. Пленума ЦК КПСС в СССР были приняты два закона. Первым законом – «Законом о предприятии» – было практически ликвидировано централизованное планирование. Традиционные хозяйственные натурально-вещественные связи предприятий были разрушены. Масса натурально-вещественных ресурсов и продуктов, никак не оформленная и не структурированная, сравнительно быстро стала переходить в распоряжение, и фактически в собственность, директората, отраслевиков, коммерческих посредников и сохранявших над ними неформальный контроль партийных чиновников. Второй закон – «О либерализации внешнеэкономических связей» – ликвидировал государственную монополию на внешнюю торговлю и сделал цены внешнего рынка естественными регуляторами внутреннего рынка.

В таких условиях капитализация ресурсов наиболее эффективно могла осуществляться только через их вывоз за рубеж с возможной последующей их репатриацией уже как капитала в случае наличия соответствующей рыночной инфраструктуры. Имеющаяся зарубежная индустрия офшоров была готова для принятия потока ресурсов и стимулировала его. Внешний рынок определял цены, критерии доходности и соответственно потенциал масштабов по последующему росту вывоза ресурсов, а также и социальные экономические последствия [21].

Очевидные разрывы во внутренних и внешних ценах ресурсов становились детерминантами выбора правил внешнеэкономических обменов. Характеризуя этот процесс, А.И. Амосов подчеркивал: «При государственной монополии внешней торговли природная рента от энергоносителей и сырьевых товаров принадлежала государству. Государство использовало выручку от экспорта для расширения закупок по импорту машин и оборудования и других инвестиционных товаров... Вновь созданные частные коммерческие фирмы, получив право на экспорт, одновременно получили права на присвоение валютной выручки, включая природную ренту» [21]. Не случайно, что через цены мирового рынка, именно вывоз природной ренты позволил компаниям сырьевого сектора стать лидерами по капитализации на фондовых рынках и учреждения офшорных компаний, посредством которых формировались капиталы, значительная часть которых принимала затем участие в приватизации важнейших объектов государственной собственности.

В результате гигантское перераспределение доходов экономических агентов за сравнительно небольшой период времени обусловило торможение становления классических рыночных институтов: конкурентного рынка, защиты прав частной собственности.

Слабость институционального развития российских рыночных институтов как следствие сырьевого экспорта была отмечена рядом исследователей [22; 23]. Так, в частности, П. Казначеев отмечает: «Один из важнейших феноменов во многих «петрогосударствах», это присвоение ренты. Оно, конечно, существует не только в этих странах, но именно на страны с нефтяной экономикой это явление, судя по всему, оказывает наиболее сильное воздействие, приводя к слабости институтов» [24]. Здесь автор под «петрогосударствами» понимает государства, чьи финансовые системы зависимы от нефтяных доходов. При этом реализация ренты осуществляется незаконными и законными способами. И если первое — это коррупция в форме взяточничества, то второе, это — различные неформальные институты, включая создание барьеров для вхождения на рынок, выдача лицензий, наличие привилегий.

Офшорный статус, доступ, к которому имели относительно немногие, фактически был таким институтом, который обеспечивал переходную ренту и тем самым способствовал торможению рыночных институтов. В этом случае традиционно звучащий тезис о «слабости институтов» рынка носит слишком общий, иногда двусмысленный характер. Переходная экономика имеет совокупность различных институтов, взаимодействующих определенным способом. Слабость одних институтов обусловлена силой других институтов. Офшоры, например, получили мощный стимул для укоренения в национальных институтах, и, как долгосрочный фактор, определили последующую институциональную траекторию российской экономики.

Неформальная институциональная матрица задавала некое множество последующих альтернативных траекторий, выбор которых, в свою очередь, определялся текущей экономической и политической конъюнктурой, балансом сил политических акторов, значением внешнеэкономических факторов.

Для запуска институциональных преобразований существенным моментом оказалась необходимость выбора моделей адаптации хозяйственных структур и изначально шоковое включение в мировой рынок через отмену государственной монополии на внешнюю торговлю. Институты государственного снабжения и торговли, методы регулирования, государственные цены сохраняли уже только формальные правила и не были жизнеспособными. Характеризуя последствия принятых законов, включая и закон «О кооперации» Е.Г. Ясин, в частности, отмечал: «Едва ли не первое дело, которым кооперативы стали заниматься, не было предусмотрено творцами закона: пользуясь ничейностью госсобственности и возможностями платить сколько угодно и кому угодно, тем, кто ею пользовался, они стали перекачивать к себе ресурсы госпредприятий, разлагать госсектор, снижать его эффективность. ...Червь частного интереса стал разъедать махину государственной собственности» [25].

Принятие нормативных актов Президентом России о либерализации внешнеэкономических отношений и свободе хозяйственной деятельности всех предприятий в 1992–93-х гг. расширяли границы допустимых правил и легализовали

уже имевшуюся практику экономических агентов на внешних рынках и в офшорных юрисдикциях.

«Природная рента», вброшенная в поле политического рынка, становится предметом рентоориентированного поведения различных экономических субъектов и стоящих за ними политических групп. В результате образования различных групп давления и коалиций формируются перераспределительные, экономические институты, в том числе банки, совместные предприятия, офшорные компании, организующие вывоз ресурсов, в том числе капитала, и по максимуму использующих офшорные юрисдикции.

Финансовым институтам, прежде всего банкам, принадлежит особая роль не только в процессе включения формирующегося рынка в уже структурированный мировой рынок, но и функция трансляции множества формальных и неформальных правил на спонтанные институциональные изменения.

В условиях переходной экономики потенциальный вектор изменений задавался политическим рынком.

Политический рынок по общему определению – деятельность индивидов или организаций по оказанию влияния на организационные решения, затрагивающие распределение богатств или других выгод между экономическими субъектами и группами, когда в стремлении удовлетворить свои эгоистические интересы указанные экономические субъекты и группы пытаются влиять на решения в свою пользу.

Для политического рынка, как механизма институциональных изменений, характерны следующие моменты:

- совокупность политических обменов между экономическими субъектами
 по поводу выбираемых формальных и неформальных правил хозяйственной деятельности;
- коллективные действия акторов, направленные на производство преимущественно общественных благ;
- высокая степень неопределенности политического процесса в отношениях между выбором определенного набора практик и ожидаемым результатом.

Российский политический рынок конца 1980-х – 1990-х годов складывался в условиях слабого государства. Слабое государство, по замечанию В. Мау, характеризуется следующими чертами [26]:

- власть находилась в постоянном поиске новых способов осуществления своих целей, причем сами эти цели не были четко сформулированы, что свидетельствовало о спонтанном характере институциональных изменений;
- возникало множество центров власти, которые конкурировали между собой за доминирование в обществе. В результате создавались предпосылки для экономических субъектов по расширению практик неформальных отношений, позволяющих расширять свое влияние посредством различных методов, включая коррупционные практики;
- отсутствовали сложившиеся политические институты, которые обладали способностью в новых условиях координировать ведущие хозяйственные группы и слои в обществе. В результате функции политических посредников выполняли различные стихийно возникающие организации;
- происходило сужение пространства действий жестких формальных правил поведения и легализация в этом пространстве неформальных правил и практик экономических субъектов;
- снижалась экономическая способность органов власти поддерживать статус-кво вследствие уменьшения доходной базы. В результате резко возрастала мотивация экономических субъектов к трансформационной ренте.

Вопрос о критериях «сильного» или «слабого» государства остается дискуссионным и используется всякий раз применительно к особенностям того или иного исторического периода российской экономики. Так, В.Н. Лившиц понимает «под сильным государством такое, которое заметно присутствует в экономике, в определенном смысле посредством государственных институтов управляет ею, причем приоритетным считает интересы страны, а не бизнеса. Сильное государство соответственно строит свою деятельность, ориентируя ее на повышение благосостояние основной массы населения и безопасности его жизни, снижения бедности, безработицы, коррупции и криминала. Под слабым государством в экономике будем, наоборот понимать такое, которое приоритетным считает интересы крупного бизнеса, основные усилия направляет на снижение налогов (корпоративных, прежде всего), приватизацию государственных благ и собственности по низким ценам, обеспечение практически беспрепятственного и бесконтрольного доступа к природным ресурсам при необоснованно низкой цене их использования» [27].

Исходя из такого подхода, 25 лет экономических преобразований в России были периодом ослабления государства, которому соответствовала и в некоторой степени способствовала эволюция института офшора, так как она характеризовалась все большим использованием офшоров именно крупным бизнесом, роль которого стала особенно значимым в 2000-х годах. Офшорный бизнес становился уделом околовластных бизнес-групп. Отмечаемый многими экспертами, последующий «захват» бизнеса государством не отменял общей линии на ослабление государства, так как был связан с межклановыми конфликтами бизнеса в госструктурах на фоне периодически возникающих кризисных спадов.

Дополнительной характеристикой этого процесса стало и более высокая роль крупнейших государственных компаний, фактически приватизировавших отдельные государственные функции в ходе использования офшорных институтов. В секторе крупного бизнеса в 2010-х годах наблюдается повышение удельного веса государственных компаний с широким набором офшорных подразделений. Офшоры, благодаря своим функциональным особенностям, способствовали на протяжении сравнительно длительного исторического интервала структурным процессам по усилению роли крупного бизнеса в экономике путем вытеснения предприятий МСБ из офшорного сектора. Своеобразной вехой в противоборстве крупного бизнеса и линии государства на деофшоризацию стал доклад правительства в октябре 2017 г. президенту РФ после 3-летнего периода имитации изучения вопроса о невозможности исполнения майского 2014 г. и поручения президента о переводе к ноябрю 2014 г. офшорных дочек 200 системообразующих компаний в российскую юрисдикцию [28].

Переход от политического рынка к институциональному рынку закрепляет институциональные изменения. Описывая становление нового института, один из ведущих теоретиков институционального школы В.Л. Тамбовцев, уточняет характер взаимосвязи политического и институционального рынков, указывая, что они не являются альтернативными механизмами институциональных изменений. «Политический рынок – лишь механизм «вбрасывания» институциональных альтернатив на рынке правил, и лишь институциональный рынок является действительным механизмом распространения» [29]. В соответствии с таким пониманием роли политического рынка последующее усвоение или «приобретение института сводится к следующим действиям:

- получение экономическими агентами информации о содержании норм,
 алгоритме их осуществления и последствиях действий по данным правилам;
- поиску контрагента, способного и согласного взаимодействовать с индивидом, компанией по соответствующим правилам;
 - заключению с ним явной или неявной институциональной сделки;
 - осуществлению мониторинга изменения условий заключенной сделки;
- обеспечения согласия и готовности гаранта правила принуждать оппортунистическую сторону к исполнению правила в случае его нарушений.

Принятие соответствующих нормативных правил 90-х годов, давших свободу внешнеэкономической деятельности всем российским предприятиям, обеспечило возможность получения резидентами первичной информации для поиска контрагентов по офшорным операциям и заключению с ними сделки по регистрации или учреждению компании в офшорной юрисдикции. Сам характер сделки означал не только конкретную внешнеэкономическую операцию, например, внешнеторговую, инвестиционную или иную, но и выбор правил её осуществления, то есть институциональную форму офшора. Это означало формирование институционального офшорного рынка, предлагающего альтернативные варианты оформления сделок. В соответствии с этим уровень спроса на этом рынке определялся числом экономических агентов, физических и юридических лиц, обращающихся к этому институту для совершения сделок. На протяжении

всего периода 1990-х гг. наблюдался устойчивый рост числа офшорных компаний, учреждаемых или приобретаемых российскими резидентами. Соответственно, динамика функции спроса показывает связь между величиной спроса на офшорные сделки и ценой регистрации, учреждения офшорной компании и последующего обслуживания.

В результате, институциональный рынок характеризуется такими параметрами, как: 1) числом товарных трансакций, которые экономические агенты готовы осуществить по данному правилу и 2) числом сделок, которые может «обслужить» соответствующий гарант, то есть масштабом готовности осуществлять мониторинг и принуждение к исполнению выбранного правила действий. На этом рынке до некоторых пор уровень предложения являлся меньшей из этих двух величин [30].

Мониторинг офшорных операций осуществлялся банками как агентами валютного контроля. Функции органа валютного контроля в соответствии с росийским валютным законодательством осуществлял Центробанк. Число проверок валютных операций коммерческих банков было заведомо меньше числа товарных трансакций, регистрируемых таможенным органами и банками. Порядок проведения проверок содержал многочисленные лагуны, которые последовательно сокращались по мере явных злоупотреблений.

Данный подход позволяет объяснить динамику роста и влияния офшоров и офшорных капиталов, масштабы вывоза которых представлены в таблице 1. Взрывной рост числа офшоров в 1990-х гг. связан с тем, что в роли продавцов формальных правил на стороне предложения выступали различные государственные и негосударственные организации, выполняющие функции контроля и обеспечения исполнения.

Таблица 1 Динамика вывоза капитала в 1990-е гг. (\$ млрд)

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
20	50	60	50	50	30	33	30	25	25

Примечание. Источник: Халдин М.А. Россия в оффиюрном мире. – 2005. – С. 92.

К концу 2004 г. объем бегства капитала составил \$400 млрд., а с учетом бегства капиталов в советский период в \$100 млрд., общий объем составил в сумме \$500 млрд. При этом на вывоз капитала по лицензии Центробанка приходилось только 1–2% от суммарного объема бегства капитала. На 700 тыс. официально зарегистрированных участников внешнеэкономической деятельности к началу 2004 г. приходилось 100 тыс. офшорных компаний с участием российского капитала. К этому нужно добавить, что их обслуживали около 1,5 млн фирм-однодневок из 5 млн общего числа официально зарегистрированных компаний. И в дополнение к этому, чтобы получить представление о размерах офшорного рынка, следует иметь в виду сотни банков с валютной лицензией, неформально работавших с фирмами-однодневками, основным бизнесом которых в 90-х годах были сделки по переводу валюты в офшорные центры.

В этих условиях использование сохранявшегося с советских времен административного ресурса было возможным не иначе, как через одобрение, либо прямое соучастие в оформлении внешнеэкономических сделок через офшоры. Слабо налаженная система банковского, валютного и таможенного контроля способствовала росту числа участников офшорных операций. А соблюдение нечетких правил исполнения различных процедур совершения офшорных операций увеличивало их масштабы за счет подключения значительного числа участников легализации теневых и криминальных операций. Это подкрепляло позиции теневого и криминального рынков, масштабы которых достигали только по официальным статистическим данным 25% ВВП. Рост объемов нелегального

вывоза капиталов и коррупционных состояний в период конца 1980-х – первой половине 1990-х годов, подтверждает данный вывод.

Следует отметить наличие конкуренции на институциональном рынке по ряду функций. Исходя из этого, значимость офшорного института для российских резидентов можно оценить в сравнении с другими институтами, выполняющими аналогичные функции, такие как трасты или закрытые паевые инвестиционные фонды (табл. 2).

Таблица 2 Сравнительный анализ различных институтов по аналогичным функциям

	Обеспечение кон- фиденциальности анонимности вла- дения	Выиг- рыши в уплате налогов	Выигрыш в доходно- сти биз- неса	Выигрыш в свободе рас- поряжения капиталом	Защита от ис- ков
Учреждение офшорной ком- пании	+++	++	++	+++	_
Участие в за- крытом паевом инвестицион- ном фонде	++	+	+++	-	+
Учреждение траста	++	++	+	_	+++

Примечание. Составлено автором.

С точки зрения вышеназванных условий усвоения новых институтов следует отметить, что по доступности информации и поиску контрагентов офшоры в 1990-х гг. значительно выигрывали у альтернативных институтов. А по разработке правил заключения сделок и гарантиям их соблюдения зарубежные юрисдикции в условиях не оформившейся правовой и институциональной среды в России были на порядок более высокими. Это и предопределило распространенность данного института.

Вместе с тем в последующем, институциональные изменения офшорного института под давлением внешней среды выразились в различных комбинациях офшоров с альтернативными институтами. Уже после 2010 г. стали популярными учреждения трастов с участием офшорных компаний как способ адаптации

к требованиям о раскрытии бенефициарных собственников, а участниками российских закрытых паевых инвестиционных фондов (ЗПИФ) стали нерезидентные компании. О растущей популярности ЗПИФ свидетельствует то, что стоимость чистых активов в их распоряжении выросла с 803,3 млрд руб. в 2013 г. до 1031 млрд. рублей в первой половине 2017 г. [31]. На фоне деофшоризации высокие среднегодовые темпа роста стоимости чистых активов свыше 1% под управлением ЗПИФ указывают на высокую конкурентоспособность данного института. Единственным препятствием для его широкого распространения, по мнению консалтинговых компаний, была как раз слабая информированность рыночных агентов о возможностях данного института.

Что касается трастов, то следует сказать, что они были органической частью англосаксонской системы Общего права, но в континентальной системе права, к которой относится и российская правовая система, приживаются слабо. Эффективность трастов для российского бизнеса проявляется, тем не менее, в условиях их комбинации с офшорными компаниями. Неким аналогом траста в российских условиях можно считать институт доверительного управления.

В результате институциональных изменений в перераспределении прав собственности 1990-х годов сложились условия, благоприятствующие росту практик рентоориентированного поведения, с которым связываются отрицательные эффекты влияния на экономическое поведение хозяйствующих субъектов. Как отмечают американские экономисты, «перераспределение прав собственности и контроля над производственными активами (и соответствующими рентами) несет положительный эффект, если стимулирует предпринимательскую деятельность и увеличение капитального запаса. Но если это перераспределение воспроизводит отношения политической зависимости, то результаты имеют негативный характер» [32].

Заключение

По итогам проведенного данного анализа можно сделать следующие выводы:

- изучение причин и условий, того, что офшор, как институт, который обладает набором определенных качеств и ценностью для заинтересованных экономических субъектов, является по-прежнему актуальным;
- успеху имплантации офшора в российскую экономику способствуют такие факторы спроса, как возможности реализации административного ресурса, снижение неопределенности сделок с активами, разрыв в ценах на ресурсы, капитализация вывозимых ресурсов для обратного ввоза;
- предложению института офшоров способствовало формирование коалиции участников, способных внедрить удобные правила совершения сделок, мягкость норм контроля, обеспечить сохранение неформального контроля над активами со стороны участников, заинтересованных в получении сырьевой ренты;
- опережающее развитие российского офшорного бизнеса как рыночного института в условиях «слабого государства» имеет тесную корреляцию с торможением развития рыночных институтов реформируемой экономики в 1990-х гг., что задает долгосрочной тренд последующего институционального развития.

Из проведённого анализа становится очевидно, что внедрение офшоров в российскую экономику и, в частности, в российскую финансовую систему происходило как раз именно в 90-е годы и соответственно статистика в статье приведена именно того периода — 90-х годов. В 2010-е годы имплантация уже состоялась, как факт существующей реальности, и здесь иные проблемы. А актуальность работы для 2018 г. состоит в анализе этого процесса (имплантации), во
взгляде назад, когда мы сейчас видим не только результаты, последствия, но и
смотрим на ряд проблем несколько по-иному (доказательством чего является и
меняющееся — т.н. «антиофшорное» — законодательство). Цель и смысл этого
взгляда на генезис вопроса — изучение траектории развития офшорного института на протяжении периода с момента его имплантации в 90-е годы до момента
уже состоявшейся имплантации. В настоящее время актуальность вопросов

влияния антиофшорных поправок в законодательстве на бизнес стремительно растет — в первую очередь, изменилось не только право, но и его понимание. Следствием этого стали изменения национальных норм противодействия налоговым злоупотреблениям, в том числе правила КИК (правила, применяемые к Контролируемой иностранной компании — «КИК»), концепция фактического получателя дохода и другие концепции.

Список литературы

- 1. Булатов А.С. Российская модель экспорта капитала. М.: МГИМО-Университет, 2014.
- 2. Сулакшин С.С. Отток капитала из России: проблемы и решения / С.С. Сулакшин [и др.] // Труды центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 26. М.: Научный эксперт, 2013.
- 3. Халдин М.А. Россия в оффшорном бизнесе. М.: Международные отношения, 2005. – 176 с.
- 4. Хейфец Б.А. Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. М.: Экономика, 2008. С. 335.
- 5. Хейфец Б.А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2013.
- 6. Халдин М.А. Россия в оффшорном бизнесе. М.: Международные отношения, 2005. – С. 9.
- 7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 17.
- 8. Фуроботи Э.Г. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Э.Г. Фуроботи, Р. Рихтер. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2005. С. 9.
- 9. Гудков Л. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества / Л. Гудков, Б. Дубин [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.polit.ru (дата обращения: 27.06.2003).

- 10. Чурзина И.В. Основы институциональной экономики: Учебное пособие / И.В. Чурзина, В.Н. Ковнир. М.: КДУ; Университетская книга, 2017. С. 40.
- 11. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс-Москва, 1984. С. 63.
- 12. Полтерович В.М. Элементы теории реформ / В.М. Полтерович. Экономика, 2007.
- 13. Неоинституциональная экономическая теория: Учеб. пособие / Е.А. Бренделева; под общ. ред. А.В. Сидоровича. М.: Дело и сервис, 2006. 352 с.
- 14. Сухарев О.С. Эволюционная теория институтов и технологий; проблемы моделирования) // Институты и технологии. Экономические изменения. Институциональное моделирование. М.: Ленанд. 2017. С. 47.
- 15. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. №3. С. 24–50.
- 16. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / Пер. с англ. А.В. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.
- 17. Безгодов А. Планетарная рента как инструмент решения глобальных проблем. СПб.: Питер, 2017. С. 188.
- 18. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. М. ИЭПП, 2003 234 с.
- 19. Бренделева Е.А. Неоинституциональная экономическая теория: Учеб. пособие. М.: Дело и Сервис, 2006. С. 210.
- 20. Флигстин Н. Архитектура рынков. Социология капиталистических обществ XXI века / Пер. с англ. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. С. 60.
- 21. Амосов А.И. Исследование спиралей эволюции российской экономики и социального устройства. М.: Росспэн, 2016. С. 277.

- 22. Даниленко Л.Н. Рентно-сырьевая модель экономики России и проблемы ее неоиндустриальной трансформации: Монография. М.: Инфра-М, 2015. С. 75.
- 23. Mehlum H. Institutions and the Resources Curse / H. Mehlum, K. Moen, R. Torvik // Economic Journal 116. 2006.– P. 1–20.
- 24. Казначеев П. Природная рента и экономический рост. М.: РАНХиГС, 2013. С. 20.
- 25. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. Курс лекций. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 94.
- 26. Мау В.А. Экономика России в эпоху турбулентности. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 60.
- 27. Лившиц В.Н. Какое государство нужно нашей экономике // Тетради Международного университета в Москве: Сборник научных трудов. Вып. 5. М., 2005. С. 105.
- 28. Базанова Е. Бизнес по указу не вернуть / Е. Базанова, Е. Бурлакова // Ведомости. 03.10.2017. С. 5.
- 29. Тамбовцев В.Л. Теории институциональных изменений: Учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 109.
- 30. Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов: Монография. М.: Проспект, 2016,
 - 31. Рыбакова М. Подзаконная сделка // Коммерсант. 27.09.2017. №179.
- 32. Норт Д. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст // Вопросы экономики. 2012. №3. С. 22.

Бодров Алексей Геннадьевич – аспирант-исследователь АНО ВО «Московский международный университет», Россия, Москва.